

ХП

На вопрос – кто бы что предпочел, если бы пришлось выбирать между слепотой и глухотой, девять из десяти всегда скорее помирятся с последнею. А¹ кому пришлось хоть раз заглянуть в один из волшебных уголков Индии, часто напоминающей вам самые фантастические и казалось бы в природе невозможные декорации «Большой Парижской оперы», – этой страны мраморных кружевных дворцов и заколдованных садов, – тот вдобавок ко глухоте решился бы скорее² захромать на обе ноги, нежели лишиться подобных зрелищ.

Рассказывают, как великий поэт Саади³ раз горько жаловался на равнодушие друзей, которым будто бы надоедали его бесконечные, восторженные похвалы своей возлюбленной. «Если бы, – замечал он им, – вы получили хотя один раз возможность и счастье, подобно мне, увидеть *ее* дивную красу, вы⁴ вполне поняли бы мои стихи, непрестанно воспевающие – увы! – так слабо и так бледно то чарующее душу чувство, которое она внушает всякому, хотя издали увидавшему *ее!*...» Я вполне понимаю положение влюбленного поэта, но не виню и друзей его, не выдавших его возлюбленной. Поэтому я дрожу от боязни, как бы мои постоянные, восторженные рапсодии об Индии не нагнали на читателей⁵ скуки друзей Саади. Но что же делать бедному повествователю, если на каждом шагу он открывает в своей «милой» все новые и самые диковинные прелести! Самые темные *ее* стороны, отвратительные, безнравственные, а подчас и глубоко ужасающие черты, – и те полны чего-то столь дико-поэтического, незаурядного, чего никогда не встретишь ни в какой другой стране. Нередко местные сцены заставляют непривычного европейца содрогаться; но в то же время, как ночной призрак, они притягивают его, приковывают к себе внимание и от них невозможно глаз оторвать....

Всего этого мы насмотрелись вдоволь в продолжение многих дней нашей *école buissonnière*⁶. Дни эти мы провели вдали⁷ от линии железной дороги, этого проблеска цивилизации, которая столь же к лицу Индии, как модная шляпка на голове полуголой перувьянки⁸, «девы солнца» кортесовских⁹ времен.

Ежедневно бродили мы через реки и джонглы¹⁰ по селам и развалинам старых крепостей, по проселочным дорогам между Насиком и Джебальпуром¹¹; днем переезжая из одной деревни в другую частью в арбах на волах, иногда на слонах, а не то так и в *палках*¹² (в паланкинах) и верхом, а ночью – обыкновенно разбивая палатку где ни попало. В эти дни мы имели случай убедиться, насколько человек, в силу одной привычки, может сделаться властелином, хоть и пассивным, над¹³ непобедимыми для всех других и смертельно опасными климатическими условиями. В то время как мы, «белые», невзирая на толстейшие пробочные *топи* на головах и защиту навеса, чуть не падали в обморок и положительно *тлели* под нестерпимо палящими лучами солнца и когда даже туземцы-спутники обвивали лишним куском кисеи голову, наш приятель, бенгальский *бабу*, проезжал верхом целые мили под вертикально стреляющим в него солнцем с обнаженной¹⁴ головой!.. У него даже не было с собой и простого *пэггри*¹⁵, куска легкой материи для тюрбана, не только шляпы. Спокойно ехал он целые часы с непокрытой ничем, кроме

¹ В «Московских ведомостях» далее: если тот.

² В «Московских ведомостях»: к глухоте всякий решился бы, кажется, скорее еще.

³ Саади (1210–1291) – персидский и таджикский философ и поэт.

⁴ В «Московских ведомостях»: красу, то лишь тогда только.

⁵ В «Московских ведомостях»: Поэтому-то я и дрожу от боязни, как бы читатели мои, вследствие моих постоянных восторженных рапсодий об Индии, не испытали на себе.

⁶ прогулки (*фр.*).

⁷ В «Московских ведомостях»: далеко.

⁸ перуанки (*англ.* Peruvian).

⁹ Фернандо Кортес (1485–1547) – испанский конкистадор, завоевавший Мексику и уничтоживший государственность ацтеков.

¹⁰ В «Московских ведомостях»: джэнглы.

¹¹ Джабалпуром (*англ.* Jabalpur).

¹² палках (*англ.* palkee, palki).

¹³ В «Московских ведомостях» далее: самими.

¹⁴ В «Московских ведомостях»: голою.

¹⁵ пагри (*англ.* pagri, pagari).

собственных густых волос, макушкой, и над его бенгальским черепом солнце оказывалось совершенно бессильным. Этот народ никогда не покрывает головы, кроме торжественных случаев, когда тюрбан надевается лишь как принятое украшение, как цветы на бале во время *дурбара*¹⁶, свадьбы или пира.

Бенгальские *бабу*, занимающие почти все низшие гражданские и особенно писарские должности, наводняют все железнодорожные и телеграфные станции, канцелярии, почтамты и правительственные присутственные места. Закинув через плечо белые кисейные мантии, наподобие римской *тоги*, с голыми от колен ногами и всегда простоволосые, они гордо расхаживают на платформах станций и пред дверьми своих контор, с презрением посматривая на женственные украшения махратов, с их кольцами на пальцах ног и рук и огромными серьгами в верхней части правого уха... Они не носят сектарных¹⁷ знаков на лбах, как прочие индусы, и позволяют¹⁸ себе лишь дорогие *колье*, да и то редко. И однако же в то время как страстно преданные женоподобным украшениям махраты справедливо считаются одним из храбрейших народов Индии (не раз уже заявив себя очень неприятно с этой стороны англичанам) и долгими веками войн выказали себя превосходными и храбрейшими воинами, Бенгалия испокон века из *шестидесяти пяти миллионов своих жителей не произвела еще на свет ни одного солдата*: среди туземных войск английской армии никогда не было и нет ни одного бенгальца. Это странный, но, тем не менее, неопровержимый *факт*, которому мы долго не могли верить, но¹⁹ должны были, наконец, сдаться пред подтверждениями многих английских офицеров и самих бенгальцев. И со всем этим, однако, их нельзя назвать трусами. Если *бабу* и высшие классы раджей изнежены, то их *земиндары* (землевладельцы) и поселяне несомненно храбры. Обезоруженный правительством, бенгалец идет на тигра своей родины, самого свирепого изо всех тигров Индии, так же спокойно с дубиной, как в прежние времена шел на него с винтовкой и ятаганом.

Много глухих тропинок, на которые, быть может, с начала мира не ступала нога белого²⁰, еще более чудом уцелевших рощ прошли и посетили мы в эти короткие дни. И всюду мы встречали привет благодаря магическому влиянию Гулаб-Лал-Синга, который за отсутствием своим послал провожать нас и руководить нами в дороге своего доверенного слугу. И если бедные, голые крестьяне дичились и часто запирали пред нами двери, зато все браманы являлись к нашим услугам.

Прелестны местоположения в окрестностях Кандеша²¹ по дороге в Тхальнер²² и Мхау²³, но²⁴ много украшена здесь природа и искусством человеческим, и это искусство проявляется более всего на мусульманских кладбищах. Теперь все они большею частью полуразрушены и заброшены²⁵ вследствие изгнания из этих местностей мусульманских принцев и ханов и большинства индусского населения²⁶. Когда-то властелины почти всей Индии, мусульмане теперь в загоне и в тысячу раз более унижены, чем индусы. Но много они оставили по себе несокрушимых памятников, между прочим, свои кладбища. Эта неискоренимая²⁷ верность мусульманина своим покойникам – одна из самых трогательных черт в характере сынов Пророка. Их посмертная преданность, всегда горячее выказываемая ими, нежели их любовь к семейству при жизни, как бы вся сосредоточивается на последних жилищах тех, кто отошли до них в лучший мир. Насколько их понятия о рае, обещанном Магометом²⁸, грубы и материальны, настолько поэтична обстановка их кладбищ, особенно в Индии. В этих тенистых, прелестных садах с их

¹⁶ Дурбар – торжественный прием.

¹⁷ сектантских (*англ.* sectary).

¹⁸ В «Московских ведомостях»: дозволяют.

¹⁹ В «Московских ведомостях» далее: на который.

²⁰ В «Московских ведомостях»: тропинок, быть может, с начала мира не видавших над собою белой ноги.

²¹ Хандеша (*англ.* Khandesh).

²² Талнер (*англ.* Thalner).

²³ *Англ.* Mhau, Mhou.

²⁴ В «Московских ведомостях»: Мхау. Но.

²⁵ В «Московских ведомостях» далее: только.

²⁶ В «Московских ведомостях»: народонаселения.

²⁷ В «Московских ведомостях» далее: честная.

²⁸ Магомет или Мухаммед (571–632) – арабский религиозный и политический деятель, основатель ислама.

рядами белых гробниц, увенчанных чалмами, покрытых²⁹ сверху донизу розами и жасмином, с кипарисами вокруг, невольно можно засиживаться³⁰ по целым часам. В них мы обыкновенно совершали привалы, обедали, часто и ночевали. Особенно прелестно кладбище возле городка Тхальнер. Из нескольких уцелевших исторических мавзолеев великолепен памятник семейства киладара³¹, повешенного на городской башне в 1818 году генералом Хислопом³², который, между прочим, расстрелял в тот же день всех солдат сдавшегося гарнизона³³ под предлогом, будто те составили против него заговор. Кроме памятника этому повешенному злополучному киладару³⁴, есть четыре другие мавзолея, из коих один славится на всю Индию. Восьмиугольной формы, весь из белого мрамора, он покрыт сверху донизу резьбой, какой не найти и на *Père Lachaise*³⁵. Персидская надпись на подножии гласит, что он стоил 100000 рупий. Днем, залитый горячим солнцем, этот высокий, минаретообразный мавзолей отделяется на синеве безоблачного неба, блестя, как пирамидальная ледяная глыба; ночью, при том особенном фосфорическом свете луны в³⁶ Индии, который приводит в восторг всех путешественников и артистов, он еще ослепительнее и поэтичнее. Будто вновь выпавшим легким снегом покрыты его вершины; возвышая над темною зеленью кустов свой тонкий профиль, он кажется каким-то полуночным чистым видением, витающим над этою безмолвною обителью разрушения и смерти и оплакивающим невозвратное³⁷ прошлое...

А рядом с такими кладбищами, обыкновенно на берегу рек, возвышаются *гхоты* индусов... Есть действительно нечто величественное в этом обряде сожжения мертвых, – а в очень недалеком прошлом и сожжения живых, – но только в теории, а не на практике. Следя за церемонией и видя как в какой-нибудь час времени после смерти от покойника остается лишь несколько пригоршней пепла, который тут же рукой посвященного брамана, жреца смерти, и рассеивается³⁸ на все четыре стороны по ветру над рекой, дабы пепел навеки смешался со священной водой, – зритель невольно поражен глубокою философией основной мысли подобного обряда. Разбрасывая горсть того, что некогда жило и чувствовало, любило и ненавидело, радовалось и плакало, браман поручает пепел всего этого четверем стихиям: «Земле, из которой оно мало-помалу развилось и сформировалось в человека и которая так долго питала его; огню, эмблеме чистоты, пожравшему его тело, дабы дух его также был очищен ото³⁹ всего греховного и мог свободнее возвращаться в той новой сфере загробного существования, где каждый грех является камнем преткновения на пути души человеческой к “мокше”⁴⁰, или вечному блаженству; воздуху, которым он дышал и тем самым жил, и воде, которая очищала его физически, как и духовно, поила его и теперь принимает его пепел в чистое лоно свое...» (Мантра XII).

«Чистое» как прилагательное является здесь только в фигуральном смысле «мантры». Говоря вообще, реки в Индии, начиная с трижды священного Гангеса, невообразимо грязны, особенно близ городов и селений. Двести миллионов человек круглым счетом омываются в них от тропического пота и грязи по несколько раз в день; а *касты*, недостойные сожжения, как шудры,

²⁹ В «Московских ведомостях»: их белыми гробницами, чалмами увенчанными, покрытыми.

³⁰ В «Московских ведомостях»: засидеться.

³¹ Киладар – губернатор города.

³² В «Московских ведомостях»: Хислопом.

Томас Хислоп (Hislop, 1764–1843) – генерал-лейтенант британской армии, участник колониальных войн конца XVIII – начала XIX вв., участник Третьей англо-маратхской войны (1817–1818).

³³ В «Московских ведомостях»: день весь сдавшийся гарнизон.

³⁴ В «Московских ведомостях»: этого повешенного злополучного киладара.

³⁵ Пер-Лашез (*фр.*) – кладбище в Париже.

³⁶ В «Московских ведомостях» предлог «в» отсутствует.

³⁷ В «Московских ведомостях»: оплакивая невозвратимое.

³⁸ В «Московских ведомостях»: который посвященный браман, жрец смерти, и рассеивает тут же.

³⁹ В «Московских ведомостях»: очищен им от.

⁴⁰ «Мокша (санскр.). “Освобождение”. То же, что нирвана; посмертное состояние покоя и блаженства “Души-Странника”» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 266).

парии, мэнги⁴¹ и проч.⁴², бросают в них вдобавок всех своих покойников. Далее все касты, до браман[ов] включительно, бросают туда же детей⁴³, умерших ранее трехлетнего возраста.

Пройдемся вдоль берегов любой реки, но только поздно вечером, чтобы провести там ночь и дожждаться рассвета. Вечером хоронят лишь богатых или принадлежавших к высшим кастам. Только для таковых зажигаются после заката солнечного высокие костры из сандалового дерева вдоль священных вод; для них одних произносятся мантры и заклинания богам, а для простых смертных, для бедных *безкастников*, нет не только костра, но и простой молитвы: *шудра* недостойн слышать, даже после смерти, божественные слова⁴⁴ из священной книги откровения, продиктованного в начале мира четырьмя риши Веда-Вьязе⁴⁵, великому богослову Арияварты. Как не допускался он ближе семи шагов к ступеням храма при жизни, так не допустится он и в загробной жизни стать наряду с «дваждырожденными».

Ярко горят костры, протягиваясь по берегу реки длинной огненной змеей. Черные силуэты странных, дико-фантастических фигур тихо двигаются среди огней, то подымая тонкие руки к небу как бы в молитве, то подбавляя дров к костру, то мешая огонь длинными вилообразными кочергами, пока потухающее пламя не вспыхнет снова, треща, и вивясь⁴⁶, и брызгая во все стороны растопленным человеческим жиром, да выпаливая под облака целый дождь золотых искорок, тотчас же исчезающих в густом облаке черной копоти. Это на правом берегу; перейдем на левый...

В тот самый предрассветный час, когда красные огни костров, черные облака миазмов⁴⁷ и тощие фигуры факиров-прислужников, отразившись в последний раз в темном зеркале реки, одни потухают, а другие расходятся, а миазмы с их запахом пригорелого мяса рассеиваются утренним ветерком и все на *гхотах* погружается в тишину до следующего вечера, – в тот самый час на противоположном берегу начинается процессия другого рода...

Печальной, безмолвной вереницей, то короткою, то длинною, смотря по смертности в городе и окрестностях, тянутся индусы обоего пола. Они подходят к реке отдельными группами, без плача, безо всяких обрядов. Вот двое принесли на плечах что-то длинное, тонкое, завернутое в красную тряпку. Раскачав его за ноги и за голову, носильщики хладнокровно кидают ношу⁴⁸ в желто-грязные воды реки. При падении⁴⁹ красная тряпка слетает в сторону и темно-зеленое лицо молодой женщины показывается на один лишь миг, чтобы тотчас же исчезнуть в мутных волнах. Далее другая группа. Старик и две молодые женщины; одна⁵⁰ из них девочка лет десяти, низенькая, худая, далеко еще не развитая, рыдает с причитаньем: то *мать мертвого ребенка*, которого она тотчас же бросит в холодные воды грязной реки. Слабый голос ее монотонно раздается по берегу, а дрожащие руки словно не находят силы кинуть бедную, маленькую фигурку, скорее похожую на темно-коричневого котенка, нежели на младенца. Старик ее уговаривает, затем берет мертвое тело из ее рук и, войдя в воду по пояс, кидает его на середину реки. За ним входят обе женщины, в чем стоят, то есть одетые или, скорее, полунагие, по обыкновению, и, погрузившись семь раз сряду в воду для очищения после мертвого тела, выходят

⁴¹ манги.

⁴² В «Московских ведомостях»: пр.

⁴³ В «Московских ведомостях»: покойников, как и детей всех каст, браман включительно.

⁴⁴ В «Московских ведомостях»: смерти своей, божественных слов.

⁴⁵ «Вьяса (санскр.). Буквально, тот, кто излагает или развивает, – толкователь или, вернее, *открывающий*; ибо то, что он объясняет, толкует и развивает, является *тайной* для профана. Этот термин в древности относился к высшим гуру в Индии. В Арьяварте было много Вьяс; один из них был собирателем и компилятором *Вед*; другой, автор “*Махабхараты*”, – *двадцать восьмым Вьясой, или раскрывателем, в порядке преемственности*, – и последний известный Вьяса был основоположником *уттара мимансы*, шестой школы или системы индийской философии. Он также был основателем системы веданты. Востоковеды (Эльфинстон, Коуэлл и т.д.) относят его к 1400 г. до Р.Х. но эта дата, конечно же, слишком современная. В *Пуранах* упомянуты двадцать восемь Вьяс, которые в различные века сходили на землю для распространения ведийских истин – но их было намного больше» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 115).

Эдвард Байлс Коуэлл (1826–1903) – английский санскритолог.

⁴⁶ В «Московских ведомостях»: лопаюсь.

⁴⁷ В «Московских ведомостях»: миазм.

⁴⁸ В «Московских ведомостях» слово «ношу» отсутствует.

⁴⁹ В «Московских ведомостях»: Падая.

⁵⁰ В «Московских ведомостях»: женщины; одна.

на берег и, даже не отряхнувшись, идут домой. Между тем, коршуны, вороны и другие хищные птицы, целый день кружащиеся над рекой в ожидании добычи, собираются черною тучей над телами и долго задерживают их путь вниз по течению. Иногда такое обглоданное тело, зацепясь за прибрежный тростник или попав меж двух камней, беспомощно торчит из-под мелкой воды, пока, наконец, один из прибрежных *мэнгов*, несчастное безкастное существо, доля которого всю жизнь, со⁵¹ дня рождения до последнего вздоха, возиться за подобною *нечистой* работой, не придет вооруженный своим длинным шестом и, зацепив застрявший скелет между ребер, не выковырнет его из-под камней или тростника, чтобы снова толкнуть по течению – по дороге к синему океану...

Но встанем теперь с песчаного и, несмотря на раннюю пору, уже накаленного берега. Простимся с водяным кладбищем бедных. Встанем и пойдем далее... Тяжелы и омерзительны для европейца подобные картины, и невольно при этом переносишься быстрокрылою мечтой туда, на далекий север, на те мирные сельские кладбища, где вместо резных мраморных с высокими чалмами гробниц, костров из сандалового дерева да грязной реки, вместо последнего ложа стоят кресты, осененные старыми березами. Как мирно спят под высокою сочною травой наши *покойнички*.⁵² Не видал никто из них, сердечных, плывя вниз по течению, ни гигантских пальм, ни дворцов мраморных, ни пагод, крытых чистым золотом. Но зато над их бедными курганами цветут и фиалки, и белые ландыши, да весной заливаётся соловей на старой березе...

Для нас соловьи уже давно не поют ни в соседних рощах, ни на душе. Этого-то уж тут всего менее. Но пойдем вдоль высокой стены из красного песчаника, ведущей к крепости, когда-то знаменитой и залитой кровью, теперь же безвредной и полуразрушенной, как и прочие. Стаи зеленых попугаев, испуганные нашим приближением, выпархивают из каждой полуразваленной ниши стены, сверкая на солнце крыльями, словно летающие изумруды. Мы на «проклятой» англичанами территории, в стране Чандвада⁵³, где во время сипайского мятежа бхили, ринувшиеся из своих засад, как неудержимый горный поток в долины, перерезали несколько дюжин своих властелинов, а вместе с другими и капитана Гэнрè, возле Шинара⁵⁴, в двадцати милях⁵⁵ от Насика. *Татва*, древняя книга индусов, рассуждающая о географии времен царя Азоки (250–300 до Р.Х.), учит нас, что земля махратов оканчивается у стены города *Чандвад*, или *Чандор*, а что Кандéш за рекой. Но англичане, не признающие ни *Татвы*, ни других каких авторитетов, кроме себя, приказывают нам верить, что Кандéш начинается у Чандорских холмов. Поэтому вышесказанную «крепость», одну из самых неприступных, по словам полковника Уоллеса, «по причине ее природного с трех сторон укрепления», англичанам пришлось брать в 1804 году у не отдававших им оную «мятежников»-махратов с большим трудом и таковым же уроном. Да и не взять бы ее им никогда и ни в какие веки, когда бы не мусульмане, заклятые враги вечно бывало побивавших⁵⁶ их махратов. Они открыли, наконец, полковнику Уоллесу тайну некоего прохода под воротами крепости. Тогда, ворвавшись чрез этот проход ночью, англичане победили крепко спавших махратов, чем премного и хвалились в последствии. Чрез несколько времени в неосторожную минуту щедрости они возвратили крепость Холькару⁵⁷, с тем, чтоб *он содержал* в ней английских солдат, но чтобы солдаты, впрочем, считались *не на его службе*. Затем раскаялись даже и в этой милости и в 1818 году, видя, что Холькар⁵⁸ не отдаст им крепости назад без боя, послали туда чуть ли не целую армию под предводительством сэра[а] Томаса Гислопа и таким образом отняли назад дарованное.

⁵¹ В «Московских ведомостях»: от.

⁵² В «Московских ведомостях»: *покойнички!*

⁵³ Англ. Chandwad.

⁵⁴ Англ. Sinar.

⁵⁵ В «Московских ведомостях»: Шинара, 20 миль.

⁵⁶ В «Московских ведомостях»: побивающих.

⁵⁷ В «Московских ведомостях»: Холь-Кару.

⁵⁸ В «Московских ведомостях»: Холь-Кар.